

От главного редактора

Антикризисная программа: заблуждения и ожидания

Двойной внешний шок, который испытала российская экономика во второй половине 2014 г., породил все усиливающиеся ожидания неминуемого экономического кризиса. Эти ожидания многократно усилены официальными заявлениями высокопоставленных представителей монетарных и экономических властей относительно перспектив длительного и глубокого спада, нарастания безработицы, усиления инфляции и т. п., о чем с пафосом сообщил на экономическом форуме в Давосе вице-премьер Правительства РФ И. Шувалов. Настойчивые и очень убедительные обещания официальных лиц и государственных экономических институтов спада производства, роста безработицы, снижения доходов бизнеса и населения, роста числа банкротств (теперь уже не только юридических, но и физических лиц) превращают ожидания кризиса в веру в его неизбежность.

Какова ситуация на самом деле? Она далека от «нормальной», но еще дальше от апокалипсиса. При всей банальности нижеследующего утверждения нынешняя экономическая ситуация в России калейдоскопична. На нее влияют несколько групп институциональных и макроэкономических факторов.

Конечно, наиболее сильным и однозначно негативным является нарушение равновесия на финансово-валютном рынке. Кризис валютно-финансового сектора реален и очень опасен. Почти двукратное снижение курса рубля по отношению к основным валютам в условиях экстремально высокого внешнего частного долга и невозможности внешних заимствований для основных финансовых и корпоративных агентов провоцирует резкое увеличение спроса на валютные ресурсы внутри страны, который столкнулся со снижающимся предложением валюты в результате ценового шока на сырьевых рынках. Рост рублевых цен на импортные компоненты внутреннего спроса экономики и населения в результате девальвации рубля вместе с ожиданиями монетарных властей раскручивания гипердевальвационной спирали в случае неконтролируемого перетока рублевой ликвидности на валютный рынок уже спровоцировал экстраординарное повышение учетной ставки. Эта мера подается как инструмент борьбы с инфляцией. Но похоже, что это — классический случай стрельбы из дальнобойных орудий по перелетным птицам.

Нынешняя инфляция в российской экономике имеет две составляющие — собственно инфляционный рост цен в результате реального, а еще более

ожидаемого увеличения издержек производства, а также изменение масштаба цен в результате девальвации рубля. Рост цен на потребительском рынке за первые два месяца 2015 г. составил 104%, что соответствует темпу инфляции в кризисном 2009 г. [2]. Но, как и в 2009 г., этот рост не отражает на самом деле собственно инфляции, то есть роста цен в результате чрезмерного количества денег или роста стоимости факторов производства. Девальвация рубля, которая является необратимым процессом изменения масштаба цены национальной валюты, выраженной в «мировых деньгах», запустила процесс глобального в пределах национальной экономики перемасштабирования цен, изменения масштаба цен. Какова величина этого изменения масштаба? Если полагать долю импорта в совокупном спросе (через долю импорта в ВВП) приблизительно в 25%, из которых на долю потребительского рынка приходится примерно половина. То есть при фактически 100% девальвации рубля рост масштаба потребительских цен должен составить приблизительно 12–15%. К этому, естественно, следует добавить примерно 7–8% в результате роста стоимостного масштаба издержек, что в совокупности составит 19–23% увеличения масштаба цен (что соответствует прогнозу темпа инфляции, который дает институт переходной экономики) [6]. Кроме этого следует учесть еще и темп роста цен как результат отрицательных ожиданий экономических агентов, компенсируемых своеобразной страховой премией в форме инфляции цен. Величина этой страховой премии, очевидно, окажется не ниже, чем темп инфляции в 2014 г., то есть составит 11–12%. Следовательно, следует ожидать совокупное увеличение уровня цен в результате изменения масштаба цен и «традиционной» инфляции на уровне 30–35%. И лишь меньшая часть этого роста цен может теоретически регулироваться политикой ЦБ.

Так чего хочет добиться ЦБ увеличением учетной ставки, то есть ограничением денежного предложения? Рост уровня цен он зарегулировать не сможет. Зато непомерно увеличить дисбаланс между спросом и предложением на рынке денег может и уже делает это. Изменение масштаба цен, особенно цен на элементы оборотного капитала, объективно требует увеличения предложения денег. Ограничение этого предложения способно вернуть экономику в первую половину 1990-х гг., в эпоху «неплатежей». Еще один, легко достигаемый такой политикой результат – сокращение размеров инвестирования. Но для достижения этого результата не нужно так тяжело трудиться на ниве экономического регулирования. Экономика и так не «перегреется», сокращение спроса и негативные ожидания рынка сами по себе являются факторами сокращения инвестиционной активности.

Внешние шоки вызвали к жизни тугий клубок взаимообусловленных негативных эффектов в финансовом секторе экономики. Казалось бы, именно ЦБ должен помочь финансовому сектору распутать этот клубок. Однако на

деле ЦБ добавляет к внешнему шоку шок внутренний, усиленно формируя положительную обратную связь: чем выше спрос на деньги, тем жестче условия доступа к ним; а чем жестче условия доступа, тем быстрее сокращается экономическая активность и ухудшаются условия генерирования доходов, а следовательно, стимулируется инфляция, которая должна нивелировать сокращение уровня доходов.

Технически рецессия в экономике (то есть такое ее состояние, при котором в течение трех кварталов подряд наблюдается снижение физических объемов ВВП) не наблюдается. Лишь в четвертом квартале 2014 г. зарегистрировано снижение ВВП на 0,2%, а при очищении от сезонных колебаний и в четвертом квартале индекс ВВП оказывается слабо положительным на уровне 0,1% [5]. Но уже начали сказываться отрицательные ожидания экономических агентов и отложенные монетарные эффекты. ВВП в январе 2015 г. снизился на 1,1% [6]. Правда, это еще не дает оснований для подтверждения тезиса о начале технической рецессии. Не публикуются данные об индексе ВВП в январе по отношению к декабрю 2014 г.

Но экономические власти и официальные эксперты правительства и президента уже соревнуются в предсказаниях параметров кризиса, называя темпы падения ВВП (от -3 до -7%), реальных доходов населения (от -6 до $-8,5\%$), снижения инвестиций (от -14 до -19%) и т. п. [1]. Это также формирует отрицательные ожидания, которые сами по себе способны если не вызвать обвал экономики, то заблокировать возможные положительные эффекты самой девальвации рубля. А эти эффекты приобретают принципиально важное значение в условиях, когда казавшиеся долгое время абстрактными опасения относительно «нефтяной зависимости» получили явное подтверждение в форме максимально жесткой реакции российской экономики и экономической политики на падение мировых цен на нефть. Именно эта реакция стала наиболее болезненным шоком для российской экономики. И проявился этот шок в резком ухудшении инвестиционных ожиданий и сокращении ожидаемых доходов федерального бюджета.

Именно бюджетный кризис стал наряду с финансово-валютным кризисом наиболее реальной опасностью для экономики. Правительство панически вбрасывает в экономику и общество информацию о наступившем уже бюджетном кризисе и предлагает различные варианты секвестра федерального бюджета, одновременно провоцируя региональные бюджеты на «спасение своими силами», что очень напоминает лозунг конца 1980-х — начала 1990-х: «денег нет, берите свободой». Сейчас, правда, этот лозунг претерпел существенную редакцию: «денег нет, берите полномочиями».

Снижение цен на нефть действительно болезненное событие, учитывая, что около 60% доходов федерального бюджета аккумулируется за счет посту-

плений от нефтегазового сектора. Впрочем, в этой истории есть какая-то неясность или недоговоренность. Сокращение уровня цен на нефть составило порядка 40%, а девальвация рубля – 90%. В то же время официальная версия Министерства финансов заключается в том, что дополнительные рублевые доходы бюджета от девальвации рубля (2,2 трлн руб.) составят только половину потерь бюджета от кризиса. Но если «нефтяные» доходы составляют 40% доходной части бюджета, а прогнозируемое сокращение размеров ВВП составляет по худшему сценарию около 7%, то общее сокращение доходов бюджета должно было бы ожидаться на уровне максимум 3–5%, но никак не 14–15%. Тем не менее постоянно фигурируют цифры секвестра, начинающиеся от 10%. Для экономики, большая часть которой до сих пор является, по существу, государственной, любые ожидания сокращения бюджетных расходов очень болезненны, так как означают сокращение государственного спроса, являющегося важнейшей частью совокупного спроса в экономике, а также сокращение доходов домашних хозяйств, потребление которых является важнейшей частью конечного спроса.

Можно долго рассуждать о текущей ситуации и особенностях регулятивных воздействий на экономику, но главное, попытаться понять, каковы перспективы преодоления существующего замешательства, как в экономике, так и в экономической политике. Но для этого нужно осознать глубинные причины сложившейся ситуации.

Собственно говоря, новейшая «экономическая политика» в России представляет собой причудливую смесь надежд на чудо образца 1998 г. и копирование рецептов 2009 г. Однако проблема заключается в том, что предположение о «классическом» характере современного кризиса (который можно называть стагнацией, а можно и «остановкой перед рывком», суть от этого не изменится), которое лежит в основе упорного воспроизведения приведшей к плачевным результатам экономической политики, неверно. Сложившаяся ситуация не является результатом шоков внешнего спроса, как в 2008–2009 гг. Гораздо больше она напоминает по механизму возникновения кризис 1998 г., но тот кризис разворачивался и преодолевался в условиях открытой (с точки зрения миграции капиталов и технологий) экономики, а к настоящему моменту мы имеем фактически закрытую экономику.

Внешнее впечатление, казалось бы, подтверждает версию о шоковой природе нынешнего кризиса. Действительно, налицо сразу два шока: падение цен на нефть и сокращение внешнего предложения денег. Однако на самом деле не номинальное, но относительное снижение нефтяных экспортных цен происходило в течение последних пяти лет после «окончания» кризиса 2009 г. Конечно, номинально цены не падали, но их прирост по сравнению с предшествующими пятью годами практически остановился. Следовательно,

уровень нефтяных доходов стагнировал при постоянной заметной инфляции стоимости факторов производства и постоянном росте бюджетных расходов. Стабильность курса рубля при этом порождала рост издержек и сокращение предельной продуктивности труда и капитала, что было плохим сигналом для ориентированных на рыночную конъюнктуру инвесторов. В то же время после 2009 г. темпы роста заработной платы и доходов населения в целом стали отставать от темпов инфляции, следовательно, происходило сокращение прироста спроса в экономике. Для оздоровления ситуации следовало уже с 2011–2012 гг. начинать плавную девальвацию рубля. Но экономическая политика была ограничена перераспределением имеющихся доходов, наращиванием доли государственных расходов, а в области реального регулирования конъюнктуры рынка продолжал господствовать принцип «невидимой руки».

Фактически государство самоустранилось от проведения активной экономической политики, сосредоточившись на построении государственной экономики, как альтернативного рыночному сегмента национального хозяйства, хотя быстро формировалась пирамида внешней задолженности, знаменующая собой разведение национальной экономической системы «азиатским вирусом» [4].

Фактически после 2000 г. российская экономика функционировала по принципу финансовой пирамиды. Такая ситуация была характерна и для периода 1995–1998 гг. События 1998 г. стали итогом просчетов в экономической политике на фоне трансформационного спада, порожденного системным институциональным кризисом. С 2000 г. воспроизводилась институциональная ловушка 1990-х гг., когда ради ограничения инфляции и стабилизации курса вымывались денежные ресурсы из экономики вместо усиленного инвестирования их в экономику. Это привело к быстрому росту внешнего долга (с 160 млрд долл. в 1998 г. до почти 700 млрд долл. к 2015 г.). Дальше все шло по обычному «пирамидальному» сценарию: чтобы вернуть долг и проценты, брали новые кредиты, потом еще раз новые и т. д. Либеральная политика требует максимального открытия рынков, прежде всего финансовых, требует свободного «плавания» валюты. В развивающейся экономике это не могло не привести к формированию глубокого конфликта между экономикой и институциональной средой. Экономическая политика была жестко привязана к глобальным институтам, а интересы поддержания национальных параметров экономического развития и роста требовали отхода от унифицированной в глобальном смысле политики [3].

Латентное развитие этого противоречия продолжалось до появления вышеупомянутых внешних шоков. Девальвация рубля, от которой отказывались в течение нескольких лет, ориентируясь на «невидимую руку рынка», началась стихийно. Упорство в следовании либеральным институтам обусло-

вило введение плавающего курса рубля на фоне стихийно начавшейся девальвации. Повышение ключевой ставки ЦБ было чисто технической операцией. Избежать этого без изменения вектора экономической политики было нельзя, но поддержать экономический рост при такой ставке процента тоже нельзя. Можно только перейти на «ручное управление» в сфере дележа накопленных резервов. На него и перешли.

Таким образом, приходится констатировать, что и девальвация рубля (сверх экономически обоснованных 25–30%), и стагнация в экономике, и развивающийся финансовый кризис имеют основание в провалах экономической политики. Даже если каким-то чудесным образом будет ликвидирован или существенно смягчен «конфликт России с Западом, уже нанесший вред ее стратегическим интересам», чтобы не допустить его перерастание «в жесткое антагонистическое противостояние» [7], ситуация в экономике принципиально не изменится без имплементации эффективной промышленной политики, финансируемой за счет доходов от сырьевых секторов, то есть без кардинального изменения принципов институционального сопровождения экономики. Шоковый по форме, надвигающийся кризис является кризисом институциональной оболочки по существу. И пока это будет игнорироваться, шансов на преодоление кризиса в его явной и скрытой формах практически не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикбов А. Институт Гайдара предсказал падение ВВП России на 6,8% в 2015 году // РБК. Экономика. 2015. 6 марта. URL: <http://www.rbcdaily.ru/esopomy/562949994225809> (дата обращения: 01.03.2015).
2. Индексы потребительских цен на товары и услуги в группировке КИПЦ / Федеральная служба. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/gr1-potr.pdf (дата обращения: 10.03.2015).
3. Минакир П.А. От главного редактора // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 7–8. DOI: 10.14530/se.2014.1.007-011.
4. Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «голландская болезнь»? М.: Дело, 2000. 135 с.
5. МЭР: ВВП РФ в четвертом квартале 2014 года сократился на 0,2% в годовом выражении // ТАСС. Экономика и бизнес. 2015. 6 февраля. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1749751> (дата обращения: 05.03.2015).
6. МЭР: снижение ВВП РФ в январе составило 1,1% // Вести. Экономика. 2015. 4 марта. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54087> (дата обращения: 06.03.2015).
7. Явлинский Г.А. Осознанный выбор? // Новая газета. 2015. 6 февраля.

THE ANTI-CRISIS PROGRAM: MISCONCEPTIONS AND EXPECTATIONS

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Professor, Doctor of Economics, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

REFERENCES

1. Bikbov A. Gaidar Institute Predicted the Fall of Russia's GDP to 6.8% in 2015. *RBK. Ekonomika* [RBC. Economy], 2015, 6 March. Available at: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949994225809> (accessed 01 March 2015). (In Russian).
2. *Consumer Price Indices for Goods and Services in the Grouping of the Classification of Individual Consumption by Purpose*. Federal State Statistic Service of Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/gr1potr.pdf (accessed 10 March 2015). (In Russian).
3. Minakir P.A. From the Chief Editor. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2014, no. 1, pp. 7–8. DOI: 10.14530/se.2014.1.007011. (In Russian).
4. Montes M.F., Popov V.V. «Asian Virus» or «Dutch Disease»? Moscow, 2000, 135 p. (In Russian).
5. The Ministry of Economic Development: Russia's GDP in the Fourth Quarter 2014 Decreased by 0,2% in Annual Terms. *TASS. Ekonomika i Biznes* [TASS. Economics and Business.], 2015, 6 February. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/1749751> (accessed 05 March 2015). (In Russian).
6. The Ministry of Economic Development: Decline in GDP of the Russian Federation in January Amounted to 1,1%. *Vesti. Ekonomika* [News. Economy], 2015, 4 March. Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/54087> (accessed 06 March 2015). (In Russian).
7. Yavlinskiy G.A. Informed choice? *Novaya Gazeta* [New Newspaper], 2015, 6 February. (In Russian).